

Лу Лань ненавидела Сун Е столько, сколько она знала. Это было не только из-за того, что она была подобранной ублюдкой, но и больше потому, что Сун Е была слишком красивой, и эта красота продолжала пронзать её сердце, поэтому она вообще не хотела её видеть.

Поэтому, когда она была ребенком, Сун Е ходила с длинными волосами, закрывавшими лицо. Она хотела не видеть его, чтобы оно не раздражало её, но чем старше она становилась, и когда она показывала свои конечности в летние дни, Сун Е всегда была красивее кого-либо, и её кожа также была более гладкой, чем у других.

В тот раз тоже был летний день. Сун Юань Чжи был пьян и осудил её за то, что она темная, уродливая и несравнимая с тем, насколько светлой была Сун Е. В то время она была так зла, что воспользовалась предлогом, чтобы обжечь Сун Е кипятком и выместить на ней свое разочарование.

"Сучка, ты рождена только для того, чтобы доставлять мне все больше неприятностей. Даже несмотря на то, что я воспитывала тебя 15 лет, ты просто неблагодарная ублюдка!"

Когда она увидела лицо перед собой, ей очень захотелось исцарапать его.

"Лишь потому, что меня выбрали, ты должна оскорблять меня?"

Улыбка на губах Сун Е исчезла, и её лицо стало холодным.

В то время как эмоциональная защита Лу Лань была прорвана, уродство в её сердце больше не могло быть скрыто: "Я воспитывала тебя 15 лет, что с того, что я побила тебя? Это все равно, что взять собаку, ругать её и бить - все зависит от меня"

В глубине её души Сун Е нельзя было сравнить даже с собакой. Собаки хотя бы иногда делали её счастливой, но Сун Е просто продолжала наносить удары по её гордости своим лицом.

"Лу Лань!"

Сун Юань Чжи взревел и ошеломленно посмотрел на того, кто спал с ним на одной кровати. Он знал, что его жена плохо относилась к Сун Е, но он никогда не знал, что она была настолько жестокой: "Она была всего лишь ребенком. Неважно, как сильно ты ненавидишь ту женщину, ты не можешь считать Сун Е ответственной за все это"

С того момента, как разочарование в его глазах достигло Лу Лань, оно показало, насколько претенциозным и саркастичным он был в этот момент. Она думала просто выпустить все наружу и сказала все, что было скрыто в её сердце: "Хе-хе, перестань быть таким претенциозным. Сун Юань Чжи, мы все живем под одной крышей. Ты смеешь говорить, что не узнал бы, когда бы я её избила? Без твоего молчаливого согласия посмела бы я хотя бы прикоснуться к ублюдке той женщины? Даже когда она посреди зимы плакала в туалете до потери сознания, ты даже не удосужился взглянуть на неё. По сравнению с моей жестокостью твой претенциозный поступок ещё более отвратителен!"

Шпеп.

Ясный звук шлепка перекрыл этот крик. Сун Юань Чжи высоко поднял руку, и его достойное поведение превратилось в отвратительное лицо: "Закрой свой рот! Ты всего лишь невежественная домохозяйка из деревни, так что ты должна радоваться, что вышла за меня замуж, и все же осмелилась кричать на меня. Почему бы тебе сначала не посмотреть, что это за место!"

Лицо Лу Лань было повернуто в другую сторону, уложенные ею волосы распустились. На щеке чувствовалось жжение.

На самом деле это был не первый раз, когда Сун Юань Чжи ударил её. Хрипя, она думала, что все будет хорошо после того, как она потерпит это. Но чего она не могла вынести, так это того, что Сун Юань Чжи смотрел на неё свысока за то, что она была кем-то из деревни, до такой степени, что он думал, что она не была достойна быть его женой... В такой унижительной ситуации Лу Лань увидела лицо Сун Е. Светлая и гладкая кожа, а также улыбка на этом изысканном лице, наполненном насмешкой.

Она расширила свои глаза, вены на лбу вздулись до такой степени, что набухли. Недолго думая, она схватила чайную чашку рядом с собой и бросила изо всех сил: "Сучка, какое право ты имеешь смеяться надо мной!"

Когда та белая чашка была брошена, учителя вокруг воскликнули и не смогли вовремя это остановить.

Но Сун Е, которая могла клониться от неё, предпочла не двигаться.

После громкого звука эта белая чайная чашка разлетелась на куски, ударившись о лоб, и по изящному лицу потекла кровь.

"Ах, Сун Е!"

Учительницы в учительской встали и подошли к ней, чтобы проверить её, восклицая.

Но Лу Лань словно была одержима и думала, что преподает ей урок в их собственном доме, поэтому ей хотелось прыгнуть и продолжить избиение: "Сегодня я разорву твое лицо. Смейся дальше, я заставлю тебя смеяться дальше. Позволь мне сказать тебе, что любой имеет это право, но только такая убудка, как ты, не имеет права, ты слышала?!"

"Хватит"

Небольшое количество учителей-мужчин тоже не могли просто смотреть на это и подошли, чтобы оттащить Лу Лань.

Посреди этого хаоса Сун Е упала, сев на землю с опущенной головой. Кровь на её лбу настораживала, но она не спешила останавливать кровь, а вместо этого пыталась защитить телефон в кармане.

В этот момент за дверью появились две тени. Плечо Сун Е было прижато. Когда она подняла голову, то увидела взволнованную Юнь Хуа.

"Сун Е, Сун Е, ты в порядке? Кто тебя ударил? Кто это был?"

"Сестрица Юнь, сначала..."

Прежде чем она смогла сказать ей, чтобы она сообщила в полицию, Лу Лань, с другой стороны, вдруг повернулась и начала изливать всевозможные ругательства и грязные слова.

В мгновение ока Юнь Хуа бросилась вверх. Никто не мог видеть её движения, и они только слышали, как кто-то крикнул от боли, а потом Лу Лань упала на офисный стол.

"Ты ранила Сун Е?"

Юнь Хуа схватила Лу Лань за горло, и на её лице можно было увидеть убийственное намерение.

Лу Лань вздрогнула, её конечности бессознательно задрожали. Она открыла рот: "Эта сука... Ах..."

Прежде чем она успела закончить свои слова, все снова превратилось в очередной крик. Пустой рукой Юнь Хуа скрутила руку Лу Лань и вывихнула её. Всему её боевому мастерству научила Сун Е, и только Сун Е понимала, насколько болезненным это может быть.

Глядя на эту искалеченную руку, все невольно испытали страх.

Но разъяренная Юнь Хуа не собиралась отпускать Лу Лань. Она посмотрела на Лу Лань со свирепостью на лице: "Раз ты посмела причинить ей боль, то должна умереть"

У того, кого научил убийца, каждое движение будет наполнено намерением убийства. Все можно превратить в оружие. Например, шариковую ручку на столе в учительской.

Когда Юнь Хуа схватила ручку и приготовилась воткнуть её в аорту Лу Лань, маленькая рука остановила её на полпути. Сун Е подошла к ней, и никто не знал когда, и сказала: "Сестрица Юнь, успокойся"

Этот спокойный тон имел сильное успокаивающее действие. Гнев Юнь Хуа медленно утих, и её хватка ослабла.

Чжао Чжэнь поспешил хватиться за салфетку, чтобы вытереть кровь со лба Сун Е, обеспокоенно прося её: "Иди проверься в больнице"

"Не нужно"

Сун Е покачала головой: "Сначала сообщите об этом в полицию"

Сообщить об этом? Чжао Чжэнь остолбенел, посмотрел на беспорядок в учительской и кивнул: "Хорошо"

Сказав это, он достал свой телефон, но Сун Юань Чжи, стоявший сбоку, прыгнул к нему, давя на его руку: "Сун Е, я твой отец. Ты не можешь сообщить об этом в полицию. Ты не можешь позорить нас так"

Очевидно, он все ещё находил, что эта ситуация была недостаточно постыдна.

На бледном лице Сун Е отразилось изнеможение, и она повернула голову к своей классной учительнице: "Учитель, если желаете, пожалуйста, помогите мне позвонить"

Печаль в глазах 15-летней девочки вызвала слезы у классной учительницы, которая тоже была матерью. Она кивнула: "Сообщить, мы должны сообщить об этом в полицию. Учитель сопроводит тебя в полицейский участок и ни в коем случае не допустит, чтобы эти бесчеловечные твари причинили тебе вред"